

Глава 840: Молчаливый паренек в Зале Предков

Когда он сталкивался с Евнухом Линем в Ортодоксальной Академии, стоял перед лицом своего учителя Шан Синчжоу, или был в горах или каком-то другом месте, и даже в позавчерашний день, когда он встретил Второго Хозяина Танга в даосской церкви, когда он сталкивался с этими наводящими тоску важными лицами и старейшинами, Чэнь Чаншэн всегда думал о том друге.

Это был его первый друг после прихода в столицу, и его также можно было считать его первым другом в жизни.

В действительности, первая встреча между этими двумя друзьями была довольно необъяснимой. Академия Небесного Дао проводила набор новых студентов. Когда все те поступающие, многие из которых преуспели в Очищении, а некоторые из них даже достигли Медитации, стояли в очереди, ожидая оценки, Чэнь Чаншэн, который все еще ничего не знал о культивации, увидел юношу в синем. И тогда юноша, который явно был гением культивации, сказал ему, что он - гений. Этот юноша пошел в Таверну Сливового Сада, чтобы найти Чэнь Чаншэна и пообедать с ним. Так они и стали друзьями. Все было настолько просто.

Этого друга звали Танг Танг.

Когда он впервые оказался в Провозглашении Лазурных Небес, он получил тридцать шестой ранг, так что сменил имя на Танг Тридцать Шесть.

С тех пор и до этого времени Провозглашение Лазурных Небес и Провозглашение Золотого Различия обновлялись много раз, его собственный ранг продолжительно колебался, но он никогда больше не менял свое имя. Возможно, потому что тот период молодости, который он больше всего ценил, он прожил под именем Танга Тридцать Шесть.

Чэнь Чаншэн часто думал и скучал о Танге Тридцать Шесть, не считая того факта, что он был его другом, было то, что Танг Тридцать Шесть всегда играл невероятно важную роль в Ортодоксальной Академии. Танг Тридцать Шесть был весьма опытен в тех вещах, в которых Чэнь Чаншэн, Су Моюй, Чжэсю и Сюаньюань По были не так уж и хороши. Слова, которые они не могли произнести вслух, запросто произносились ртом Танга Тридцать Шесть. Были вещи, которые им было очень стыдно делать, но Танг Тридцать Шесть никогда не знал смысла стыда.

Если выразить это по-другому, именно присутствие Танга Тридцать Шесть позволило Чэнь Чаншэну и Ортодоксальной Академии провести те годы в столице в такой расслабленной и приятной манере.

Танг Тридцать Шесть был человеком, наиболее опытным в достижении счастья для своих товарищей и страданий для его оппонентов.

Потому что он был невероятно богатым единственным внуком клана Танг, и не было ничего, чего бы он боялся. Это особенно проявлялось, когда он поступил в Ортодоксальную Академию, где ему больше не надо было играть роль элегантного и благородного молодого хозяина. Он взмыл ввысь, становясь несравненно высокомерным и крайне недисциплинированным. На Божественном Проспекте он проклинал маленькую девочку, пока она не заплакала, а на Аллее Сотни Цветений он пнул калеку. Не было ничего, что он не посмел бы делать.

Он обладал чертами, которых больше всего не хватало Чэнь Чаншэну.

Под его высокомерием и отсутствием дисциплины были скрыты страсть, юность, эго.

В перевороте Мавзолея Книг Танг Тридцать Шесть был вынужден вернуться в Вэньшуй, а сейчас прошло три года.

Прожив в старом поместье два с половиной года, он был пленен в зале предков на полгода.

Казалось, что больше не было возвышающегося высокомерия и недостатка дисциплины.

Казалось, что нельзя было найти страсть, юношество и эго.

У него были растрепанные и грязные волосы, и его вовсе не беспокоил его внешний вид. Его одежда была грязной, глаза - деревянными, и он не сильно отличался от трупа. Из его рта не доносилось ни звука, как будто он был нем.

Единственное, что можно было заметить на его теле, это ауру немоты и безжизненности, символизирующие смирение и отчаяние.

Любой, кто увидит его, вероятно, подумает, что он - попрошайка или аскет.

Никто не станет ассоциировать его с тем благородным молодым хозяином, стоящим среди цветов, получая восхищенные взгляды бесчисленных молодых девиц столицы.

За исключением Чэнь Чаншэна, потому что он больше всех понимал своего друга и доверял ему больше, чем кто-либо еще.

Он был уверен, что даже если солнце погрузится в бездну, чтобы никогда не подняться вновь, а мир будет на грани уничтожения, Танг Тридцать Шесть не станет прятаться под одеялом и плакать. Вместо этого он соберет всех проституток в столице и проведет огромную оргию. Затем он соберет всех молодых людей, которые были достойны того, чтобы сражаться с ним, и в сопровождении невообразимого количества сокровищ и нескольких повозок синего омара поедет на самых быстрых лошадях туда, где падало небо, и даже будет выкрикивать самые грязные ругательства небу и петь самые глупые песни.

Если бы Чэнь Чаншэн смог заглянуть в зал предков, он знал бы, что его мысли были верны, и что он зря беспокоился. Он в даосской церкви сказал Второму Хозяину Тангу, что волновался о том, был ли у Танга Тридцать Шесть достаточно хороший молитвенный коврик, иначе он поранит коленки от слишком долгого стояния на них.

Танг Тридцать Шесть даже не кланялся.

Насколько бы одиноким он не казался, насколько бы грязным не был его вид, насколько бы безжизненной не была его аура, он не склонился.

Он не кланялся на молитвенном коврике, а сидел на нем.

И он сидел, расставив ноги.

Это была самая неэлегантная поза для сидения.

Его ноги были широко расставлены, а его пах был направлен на... бесчисленные мемориальные таблички перед ним.

Эти мемориальные таблички представляли предков клана Танг, его предков.

‘И что?’

‘Если вы хотите пленить меня, не надейтесь, что я все еще стану уважать вас’.

.....

.....

Танг Тридцать Шесть конечно же все еще был Тангом Тридцать Шесть прошлого.

Да, после пленения в зале предков он был отрезан от новостей внешнего мира. Не то что написать письмо Чэнь Чаншэну, ему даже было не с кем поговорить.

Согласно приказам Старого Хозяина Танга, всем запрещалось говорить с ним. Единственным человеком в зале предков был глухой слуга, ответственный за очистку внутреннего двора.

Также с того дня Танг Тридцать Шесть перестал говорить.

Никто не мог проводить так называемый молчаливый протест лучше, чем он.

Не зная никаких новостей внешнего мира, не зная состояние болезни своего отца или дела его матери, это, естественно, были довольно волнительные вопросы.

Но это также дало Тангу Тридцать Шесть достаточное время, чтобы думать и культивировать.

Возможно, потому что зал предков был слишком тихим, и никто не тревожил его, или, возможно, потому что состояние его отца ухудшалось и он был на грани невозвращения, ему потребовалось два дня, чтобы ясно понять вопрос, который ставил его в тупик два года: почему Старый Хозяин делал это.

За что Старый Хозяин Танг был прославлен больше всего в течение столетий, пока он управлял кланом?

За его проницательность.

Су Ли и Ван По давным-давно доказали, что у Старого Хозяина Танга был наметанный глаз на талант.

Позже Старый Хозяин Танг дал Желтый Бумажный Зонтик Чэнь Чаншэну, когда тот собирался войти в Сад Чжоу. Это, естественно, не было связано с дружбой Чэнь Чаншэна с Тангом Тридцать Шесть, а потому, что Старый Хозяин Танг относился к Чэнь Чаншэну, как к Су Ли и Ван По, и эта его ставка усилит отношения между кланом Танг и Ортодоксией.

Почему он внезапно изменил точку зрения?

Во-первых, Старый Хозяин Танг и Шан Синчжоу действительно шагали по тому же пути, разделяя скрытую дружбу, простирающуюся на столетия.

Он давал молчаливую поддержку дружбе Танга Тридцать Шесть с Чэнь Чаншэном в начале и тайно помогал Ортодоксальной Академии по большей части потому, что Чэнь Чаншэн был студентом Шан Синчжоу.

Сейчас, когда учитель и ученик пошли различными путями, Старый Хозяин Танг, естественно, должен был задуматься, какую сторону поддерживать.

Касательно внутренних дел клана Старый Хозяин Танг должен был решить вопрос наследия.

Шан Синчжоу и Имперский Двор поддерживали вторую ветвь.

Чэнь Чаншэн и Ортодоксия несомненно поддерживали главную ветвь.

Второй Хозяин Танг в перевороте Мавзоля Книг дал выдающееся представление, и Танг Тридцать Шесть также хорошо осознавал, что Старый Хозяин предпочитал вызывающие методы его второго дяди больше, чем мягкие методы его собственного отца. Что важно, его отец пострадал от неизлечимой болезни. Если Старый Хозяин Танг выберет главную ветвь, он выберет Танга Тридцать Шесть.

Молодой и полный жизненных сил сын с выдающимися методами или внук с большим потенциалом, но еще не полностью созревший - кого он выберет?

Если спросить у истории, пройтись взглядом по старым книгам, станет понятно, что выбирать.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/267944>